

Красота пасет мир

Рассказ очевидца

Ей-богу, не люблю медиков. Вообще-то, я их и раньше не любил. А с тех пор, как поработал пару месяцев вахтером в московской многопрофильной больнице «Марьиная Роща» – радуюсь, что ноги от них унес. Лично мне в этой дремучей роще ничего не угрожало (по платежной ведомости я вообще «стрелком ВОХР» проходил), но все же я решил держаться от промышлявших там соловьев-разбойников подальше. Жизнь научила: если ты сам не успел унести свои органы, то можешь потом запросто чего-то недосчитаться.

Больница была странная. Днем вроде все как обычно: спокойный и безнадежный круговорот в темпе сонных мух. Увядающие больные и увядший персонал. Однако ближе к ночи Роща оглашалась телефонными звонками, беготней, руганью и прочими приметами бурной

деятельности, и появлялись совсем свеженькие персонажи.

Я не сразу сообразил, что там происходило. Оказалось, с вечера пустующие помещения арендуются частнопрактикующими эскулапами, и больница превращается в доходный дом. В этой ночной метаморфозе было что-то фантазмагорическое. Кто, что, кого и чем там только не лечил! Помимо различных «эстетических» операций, «инструментального» аборта и «отсоса жира» в список услуг больницы были почему-то включены «варикозное расширение вен» и «половые инфекции». Уж за этим-то добром в больницу приходиться как-то странно! Но народ валом валил. Сдается мне, здесь были не только хирурги, но даже свои приватные патологоанатомы. Хотя разница между ними не велика: первый знает причину смерти, но не говорит – ждет, пока второй догадается. А надрезы практически те же.

Работа у меня была не пыльная: людские потоки решительно рассекать, на основе краткого собеседования на скорую руку первичный диагноз безапелляционно ставить и по правильному адресу выразительно посылать.

Повадилась там ко мне одна медичка заглядывать – сплетни рассказывать и на свою судьбину жаловаться. Эта студентка без диплома подрабатывала в отделении пластической хирургии ассистенткой. Контору по превращению рогов в копыта и обратно сляпал ее шеф – человек образования сомнительного, но со смекалкой. Тем не менее с этими рогами и копытами все функционировало не так уж гладко. Однако критики шеф не выносил – если что, бросал инструменты на пол посреди операции, когда больной под наркозом не ведает, что с ним творят. Просто хлопал дверью и уходил со словами «вот сами тут и копайтесь». Для убедительности даже разок-другой полоснул ассистентку скальпелем по руке, чтобы не выступала...

Недавно является моя вестница вся такая разгоряченная, сияющая – сразу видно, с отменной новостью, которую не терпится выложить. Рассказывает: влетает пару часов назад в ординаторскую одна из ее коллег, над которой все охотно потешаются – вечно с ней что-нибудь стряется. В этот раз на ней не то, что лица – даже ресниц и бровей нет! Но сама трясется от смеха. «Я, – говорит, – пациентку сожгла! Ту самую, которая грудь увеличить хотела!»

Надо сказать, грудями этими больница торговала очень бойко. Кстати, стоимость отечественного бюста от количества затраченного материала не зависит, поэтому наша публика заказывает себе по максимуму – чтоб потом не доплачивать, если вдруг охота придет. Сразу такую, что больше уж точно не захочется. Хотя, согласно статистике, операция тут мало что меняет: те жены и любовницы, которые якобы по причине своей плоскости не возбуждают, будут брошены даже с их свежее испеченной грудью...

И вот как раз сегодня оперировали одну из таких, не подозревающих о тщете большегрудия. Тут моя знакомая пускается в такие медицинские подробности, что я с непривычки отшатываюсь. Но, увы, без них соль анекдота не понять: пока одна ассистентка держит грудь усыпленной пациентки щипцами, коллега обрабатывает тело там и сям спиртовым раствором. «Тампон! Спирт! Еще спирт!» Ну вот, стало быть, делают надрез. Вдруг один сосудик начал кровоточить. «Что у тебя там?» – «Ах, вот как? Да это пустяк! Мы это враз остановим: прижжем – и порядок!» И решили прижечь специальным электрическим аппаратом. И все бы хорошо – только вот спирт, которым обрабатывали, оказался неразбавленным. Представляете себе эффектик? «Ах ты, падла! Да она ж синим пламенем!..» И это не фигурально, это буквально! А все оторопело стоят и глазют. Ассистентка со щипцами – у той уже руки загорелись – орет: «Да заберет же у меня хоть кто-нибудь эти проклятые сиськи!»... Отпустить-то никак нельзя. Потом все же кое-как загасили. У виновницы – ни ресниц, ни бровей, а на пациентку – на ту вообще лучше не глядеть... «Вот какая история вышла. Ей-богу, только с этой дурой и могло все это случиться. Наши просто животики надорвали!..»

Это я уже потом понял, почему она так радостно смеется. У самой дома такой кошмар, что не приведи господи. А смех – он ведь жизнь продлевает... Или агонию?

А с другой стороны, как же не смеяться? Они ведь по своей воле ставят в графе «с риском ознакомлен» роковую закорючку. Вот ведь не боятся последнее потерять! И твердо уверены, что все беды от какой-то там штуковины, которая у них формой, цветом или размером не вышла... Если у тебя все в жизни наперекосяк – значит, скажем, из-за носа. Казалось бы – что еще для счастья нужно? Знаешь точно, что из-за носа – да от одного этого знания должен такой покой и свет по душе разлиться! Живи себе с Богом и с носом! Так нет же, идешь этот нос выпрямлять. Или удлинять. А ведь он внутри тебя кривой... И скоро ты снова пойдешь что-нибудь удлинять или выпрямлять. А может, надо было укорачивать и искривлять?..

...На следующий день моя знакомая является в состоянии совсем уже истерического веселья: «Представляете, теперь я то же самое натворила!»

Приходит ко мне моя давняя пациентка. Мы с ней чего-то перемудрили. Делали подтяжку, а ее всю как-то перекосило, да еще, говорит, уши свои перестала чувствовать. Странная какая, правда? Кто их вообще чувствует-то, а? Вы, например, уши чувствуете? Но я все-таки, чисто по-дружески, захотела как-то ей эту перекошенность компенсировать, хоть губы подтянуть, что ли, если уж она уши не чувствует. Говорю, «раз Вы у нас вся такая перекошенная вышли, я Вас за это подтяну». А она, ей-богу, какая-то странная: как я подтянула, так ее еще больше перекосило! Да к тому же, повсюду какие-то неприятные утолщения на губах появились. Просто жаба какая-то пупырчатая, прямо беда мне с ней! Давайте, говорю, прогрею специальным аппаратом, чтоб рассосалось – тоже совершенно бесплатно! Ну, ложится она, а я замечаю – у нее, ко всему прочему, еще нехорошая такая сыпь по шее пошла, крупный такой сыпняк. Совсем баба запаршивела, аж смотреть противно... И, представьте себе, так я разволновалась, что начисто забыла про позавчерашний случай. Взяла – и обработала ей всю сыпь спиртом! А потом аппарат к губе поднесла!

Ну, у нее лицо все так разом и вспыхнуло! И пламя, знаете, действительно такое красивое: синее-синее! И волосы тоже сразу занялись. Я – туда, сюда – что делать? От нее

ведь уже, как от нефтяного факела, до потолка бьет! Обгорела вся начисто, пока я металась. Только потом додумалась ее собой накрыть...

Ну, у той, конечно шок. Представляете, целых два часа потом в голос орала не переставая, как умалишенная! И откуда силы только берутся, чтобы так орать-то? Хотя ее понять тоже можно: обидно ей – губы подтягивала, а стала лысая обугленная головешка! Но я ведь как лучше хотела. Вот и старайся теперь для людей!...»

День ото дня рассказы моей юной сплетницы становились все гротескнее. Про все узнал, про что лучше бы и не знать вовсе – будто на остров доктора Моро попал. Не слушать бы мне про родильное отделение, что по соседству было – как там новорожденных иногда по ошибке на раскаленные инструменты кладут или еще что похлеще... Зато меня развеселил ее отчет об особе, которая себе великолепный округлый зад заказала: непонятно, по какой причине – может, качество материала подкачало, – но только это прелестное место приобрело у нее как бы способность мимикрировать под окружающую среду, то есть под сидение. Теперь не дай бог пристроить эту округлость на какой-нибудь жесткий стул: встанешь – а у тебя зад, как табурет: можно вместо угольника при черчении использовать! Про батарею отопления я вообще молчу.

Однако вскоре поток историй неожиданно иссяк. А ведь как она уговаривала шефа отказаться от этой пациентки! Из самых «крутых», молодая шикарная красотка, дикторша телевидения и жена бизнесмена, да еще с двухлетним младенцем. Не дай бог что случится! Накаркала...

Не послушался ее шеф: жадность сгубила. Хотя для трезвого-то операция пустяшная. А этот заплочных дел гиппократ своими трясущимися руками перерезал нервишко на ноге у дамочки. Покромсал – и скрылся в неизвестном направлении. А дамочка в параличе. Разъяренный муж пообещал, что если жена такой останется, хирургу с ассистенткой не жить – ни вместе, ни поврозь.

Объяснила б ему, говорю, что ты раба подневольная! А она – да ведь тут всё нелегально: я и прием пациентки вела, и за доллары расписку давала – шеф-то устроил все так, чтобы самому всегда чистеньким оставаться. А тут ведь хороших нейрохирургов надо, все снова разрезать, копаться и нерв этот треклятый искать...

«Ладно, – говорит, – пойду к парикмахеру! Если уж скоро помирать, надо хоть соответствующий вид принять!»

А я взял – и уволился. Так и не узнал, чем все закончилось.

Мюнхен, 2006